

кой своей жены, вдовой обер-шенка П. К. Загряжской, как пикто осведомленной в «закулисной» истории России. Наконец, источником сведений Пушкина о Радищеве могли быть и, скорее всего, были беседы с Н. М. Карамзиным.⁸ В Одессе Пушкин пользовался документами из библиотеки М. С. Воронцова («полу-милорда»), наследовавшего архив своего дяди, А. Р. Воронцова, друга и покровителя автора «Путешествия. . .».⁹

Пушкинская статья — не просто биография в привычном понимании этого жанра еще и потому, что поэт стремился предельно актуализировать те моменты мировоззрения Радищева, которые оставались злободневными к середине 30-х гг. XIX в.

Созданию статьи предшествовала работа Пушкина над циклом публицистических заметок, получившим название «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835), в котором Пушкин по-новому прочитывает главы радищевского «Путешествия. . .». Однако личности Радищева уделено в пушкинском цикле не слишком много места, акцент сделан на творчестве «первого революционера». Жизни его посвящена статья «Александр Радищев», и если книга Радищева не вызывает сочувствия у Пушкина (о причинах речь пойдет дальше), то внешне негативные его отзывы о самом писателе явно содержат нотки восхищения: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться против общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за все по закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а „Путешествие в Москву“ весьма посредственной книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью» (XII, 32—33).

Такой «отрицательный» отзыв стоит иных похвал. Тем более, что цитированный выше отрывок, явно или неявно, проецируется на судьбу самого Пушкина с ее самоотверженным противостоянием самодержавию.

Последнее замечание является, скорее, ассоциацией, чем утверждением, которое можно объективно обосновать. Но то, что пушкинская статья о Радищеве, при всем ее негативном харак-

⁸ Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 60—61.

⁹ См.: Алексеев М. П. Пушкин и библиотека Воронцова // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 95.